

экономической зрелости коллективов предприятий и организаций. Попытки ускорить этот процесс со стороны государственных и общественных организаций бесперспективны и нежелательны.

Современная «экономика участия» (ESOP) – это продукт самих трудящихся, а не изобретение каких-либо партий и движений. Естественно-исторический процесс – это объективная реальность, которая не поддается ускорению со стороны отдельных личностей, какими бы они не были великими. В истории развития человеческой цивилизации не было случаев изменения производственных отношений со стороны как правящих, так и угнетенных классов. Реформы осуществлялись лишь тогда, когда в них возникала объективная экономическая необходимость, к тому же, правящим классом в истории никогда не были представители исполнительского труда и это в принципе невозможно, ни сейчас, ни когда-либо в отдаленном будущем. Обществом могут управлять лишь профессионалы обществоведы – таково веление времени.

Сейчас Россия снова на пороге общественного выбора: капитализм или социализм. Фактически у нас не было ни того, ни другого. Но вопрос может быть решен в форме конъюнкции, поскольку в истории развития человеческого общества в чистом единственном виде не было способа производства.

Трудно себе представить, что будущее цивилизации будет основываться на принципе «купи – продай», который нам навязывают западные философы и идеологи. Для России вопрос общественного выбора сводится лишь к следующему – как долго мы будем донашивать старые капиталистические лохмотья. Современная «экономика участия», автором которой является, по существу, Н.Г.Чернышевский – это та наша национальная идея очень правильно отображающая эволюционный естественно исторический процесс. Западным наемным идеологам легче будет выпить бермудский треугольник, нежели противопоставить что-либо существенное этому объективному неотвратимому процессу.

В.П. Тимошенко

Екатеринбург

АЛАПАЕВСКАЯ КОНЦЕССИЯ

Масштабы проникновения иностранного капитала в российскую экономику в дооктябрьские времена были весьма впечатляющими. Капиталы вкладывались преимущественно в добывающие отрасли для расширения производства сырья и вывоза его в другие районы России либо за границу. Зарубежные компании ревниво следили за сохранением своих интересов: их активность направлялась на утверждение сложившихся приоритетов – ввозе в регион изделий обрабатывающей промышленности и вывозе сырья.

Иностранный капитал в российской экономике и в послеоктябрьский период стал заметным явлением. Был накоплен опыт взаимодействия начал государственного и рыночного регулирования экономики, чрезвычайно полезный в современной практике. Хотя эта тема не нова для нашей историографии, изучение ее, еще далеко от своего завершения. «Скованный» в недавнем прошлом дисциплиной марксистско-ленинской методологии процесс консолидации научных сил в последние десятилетия заместился почти тотальной конфронтацией к советскому периоду отечественной истории и столь же повсеместным отрицанием активом его историографии и эффективности методологии исследований. Поэтому обращение автора к заявленной теме во многом определяется необходимостью переоценки и переосмысления многих фактов и событий советского прошлого на строгой документальной основе. В таком случае советский опыт концессионной политики и практики способ обрести вторую жизнь – по крайней мере, в части доставления исчерпывающего материала для лучшего понимания достоинств и издержек принимаемых системных решений в современных условиях.

Уральская промышленность после Октября 1917 г. оказалась в крайне трудном положении. Сохранились все основные трудности предшествующего этапа: структурный консерватизм, острый недостаток капиталов, техническая отсталость – все это обусловило накал борьбы и характер ожиданий новой эпохи. Аннулирование иностранных и внутренних займов, национализация банков, промышленных предприятий, транспорта экономического эффекта не принесли, но разрушили внешнеэкономические связи России. К многочисленным трудностям добавился финансовый кризис, обесценивание денег в результате эмиссии.

Советское государство на первых порах не могло, не рискуя вызвать экономический развал и политические осложнения, обойтись без использования материальных и финансовых ресурсов, опыта организации производства и технических достижений, глубоко внедрившихся в уральскую промышленность иностранных фирм. Ориентированные в прошлом почти исключительно на экспорт, производства добывающей промышленности, даже при гипотетической возможности их восстановления собственными силами, не нашли бы устойчивого спроса на свою продукцию внутри страны.

Основы концессионной политики были заложены В.И. Лениным в 1918 г. практически одновременно с одним из всплесков национализации. Идея привлечения зарубежных фирм к экономическому возрождению региона, ее обсуждение и осуществление сопровождалась острой политической борьбой, что заметно отразилось на отношении к концессионерам и на характере взаимоотношений государства и иностранных предпринимателей.

Концессионная политика исключала какую-либо возможность влияния концессионеров на политику Советского государства. В “Тезисах об условии привлечения иностранного капитала в товарной форме в России”, направленных комиссией Совнаркома первому съезду совнархозов в мае 1918 г., раскрывались основные принципы концессионных соглашений, которые легли в основу резолюции⁹⁵³. Это, во-первых, территориальное расположение концессий не должно создавать определенных сфер влияния в России иностранных государств; во-вторых, государство оставляет за собой право закупки у концессионеров продукции в необходимых объемах, а также право досрочного выкупа всего предприятия; в-третьих, социальные, промышленные и торговые законы Российской республики обязательны для концессионеров; в-четвертых, государство участвует в доходе концессионных предприятий, если он превышает договорные нормы; предпринимателю гарантируется выплата процентов за затраченный капитал в денежной форме или в форме выплаты сырьем и полуфабрикатами; в-пятых, иностранный капитал в товарной форме может привлекаться к организации и устройству государственных предприятий с выдачей в концессию за это права на аренду еще неиспользуемых естественных богатств России; в-шестых, правительство на всех стадиях организации и эксплуатации концессионных предприятий имеет право контроля и ревизии всех дел предприятий.

Первый пример концессионного соглашения на Урале – Алапаевская концессия. В сентябре 1921 г. А. Хаммер, побывав на Урале по предложению В.И. Ленина, изъявил желание помочь в восстановлении уральской промышленности. Хаммер был готов поставить на Урал миллион пудов хлеба и принять на комиссию уральские драгоценности для продажи в США. Был составлен и заключен договор, по которому концессионер обязывался полностью оплатить механизацию разработки асбестовых месторождений, обеспечить рабочих продовольствием и добиться к 1926 г. ежегодной добычи асбеста до 2,5 тыс. т, предоставляя в распоряжение государства 10% добычи. Для обеспечения условий договора Хаммер внес в Госбанк залог в размере 50 тыс. долларов⁹⁵⁴.

Отношение правительства к Алапаевской концессии было весьма благоприятным. По просьбе концессионера к договору были приняты дополнения и поправки: иностранным служащим концессии предоставлялось право свободного передвижения по стране, въезд и выезд по нуждам концессии за рубеж, а также право закупки различных материалов за наличный расчет, положившие начало торговой деятельности на Урале и в Сибири – компании “Аламерико”⁹⁵⁵.

---

⁹⁵³ Резолюция первого Всесоюзного съезда Советов народного хозяйства. М., 1918. С. 21 — 25.

⁹⁵⁴ ГАСО. Ф. 339. Оп. 3. Д. 89. Л. 32 — 33; Уральский рабочий. 28 мая. 1922.

⁹⁵⁵ ГАСО. Ф. 95. Оп. 2, Д. 3730. Л. 13.

Экономические трудности (разруха, нарушение работы транспорта, неустойчивые цены и т.д.), серьезно осложняли выполнение намеченной программы. В октябре 1923 г. Уралпромбюро выступило инициатором обсуждения состояния дел на концессионном предприятии, результатом которого было предоставление льгот по выплате налогов и отчислений⁹⁵⁶. Видимо, с этим связана и обратная симпатия концессионеров. В интервью “Уральскому рабочему” управляющий делами концессии инженер Вольф говорил: “Возможности в России для иностранного капитала велики. Эти возможности во многих отношениях лучше, чем в других странах, не говоря уже о наличии огромных природных богатств. Для иностранного капитала и техники Россия представляет широчайшее поле деятельности. Все опасения и циркулирующие вне России нелепые слухи мы считаем совершенно необоснованными”⁹⁵⁷.

Сдача в концессию асбестовых месторождений благотворно повлияла на решение многих экономических и социальных задач и преодоление трудностей в регионе, в том числе особенно острых – продовольственной проблемы и занятости населения. Уральский асбест пользовался до войны широким спросом в Европе. Но в советское время возникло много сложностей для сбыта. Концессионный договор способствовал возвращению уральского асбеста на мировой рынок и частичному восстановлению прежних связей. Оправдался расчет на обострение конкуренции на мировом рынке между крупнейшими корпорациями, контролирующими производство и сбыт. Остановимся подробнее на этом важном вопросе.

До войны асбестовая промышленность развивалась в двух мировых центрах – Канаде и на Урале. Канада давала около 80% мирового производства и контролировала рынок США и Южной Европы, имея вложения в добычу и переработку в сумме 50 млн. золотых рублей. На Урале добывалось около 16% мирового производства асбеста; сбыт осуществлялся в основном в Англии, Франции, Бельгии, Германии, Австрии. Вложения составляли 3 млн. золотых рублей⁹⁵⁸.

Во время войны уральский асбест сошел с мировой сцены, появилась Родезия, где разместили капитал английские потребители. В течение короткого времени рынок Европы оказался заполненным вывозимым из Родезии асбестом. И все же Европа оставалась потенциальным рынком для уральской промышленности. В этом были заинтересованы французские и германские фирмы, до войны посредничавшие в сбыте уральского асбеста – “Эттернит”, “Г. Г. Беккер и Гааг”, “Финские минералы”, в новых условиях оказавшиеся в жесткой конкуренции с ан-

---

⁹⁵⁶ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 156. Д. 31. Л. 14. 15.

⁹⁵⁷ Уральский рабочий. 18 июня. 1922.

⁹⁵⁸ ГАСО. Ф. 339, Оп. Ю. Д. 68. Л. 178.

глийской компанией “Канадиен асбестос корпорейшн”. Уральский асбест мог вернуться на мировой рынок, но необходимо было восстановить производство.

Ситуация на европейском рынке послужила одним из основных мотивов выбора Хаммером из предложенных объектов концессий именно Алапаевского асбестового рудника. До войны рудник давал значительную выработку (с 1910 по 1919 гг. в нем было добыто 7359 т асбеста). Но добыча упала с 490 т в 1919 г. до 103 т в 1919 г.⁹⁵⁹

Основные условия концессионного договора (о долевом отчислении и об обязательной программе технического усовершенствования) были выработаны в редакции, крайне неблагоприятной для концессионера. По договору предусматривалось 10% отчисление, довольно убыточное для горного предприятия (в довоенное время горное дело давало не более 4 – 5% прибыли с оборота). Отчисления не учитывали сортность асбеста и расходы на фрахт. Обязательная программа (два договора) обязывала концессионера в первый год добыть 1,2 тыс. т асбеста, во второй – 1,6 тыс. т и т.д.⁹⁶⁰

Не учитывалось ни состояние передаваемого в концессию рудника, ни размеры его действительных запасов. Газета “Уральский рабочий” отмечала, что “при взятии концессии интересы Хаммера не были ничем гарантированы, он всецело доверился правительству”⁹⁶¹. Тем не менее, Алапаевская концессия дала быстрый и весомый результат. Первый год работы обеспечил добычу асбеста в 323 т, второй год – 659 т, третий – 600 т. За четыре года производственная программа была почти выполнена – выработка составила 2043 т⁹⁶².

На 1 января 1926 г. добыча асбеста превысила договорной объем. В этом же году государство использовало свое право досрочного выкупа (через 5 лет) концессионного предприятия. К этому времени на концессии были введены технические усовершенствования, механизированы разделка и добыча асбеста, восстановлено производство с использованием современной техники. Концессионер на ремонт и постройку затратил 100 тыс. руб., установил закупленные в Германии компрессоры и отбойные молотки, дробильную установку, лесопильную раму, рудничные паровозы на транспортировке, оборудовал сортировочную фабрику.

Причиной досрочного выкупа предприятия стали материалы обследования концессии комиссией ВСНХ, установившей “спекулятивный характер деятельности концессионера”. Спекулятивность состояла в том, что примерно 25% асбеста концессионер выработал из старых отвалов путем их переработки, следовательно, меньше внимания уделил руднику

---

⁹⁵⁹ Там же. Л. 38.

⁹⁶⁰ Там же. Оп. 3. Д. 89, Л. 6–11.

⁹⁶¹ Уральский рабочий. 18 июня. 1922.

⁹⁶² ГАСО. Ф. 339. Оп. 3. Д. 89. Л. 34—36.

в смысле увеличения масштабов добычи⁹⁶³. Но, вероятно, подлинной причиной прекращения Алапаевской концессии послужило улучшение конъюнктуры мирового рынка для уральского асбеста и возросшие в связи с этим темпы роста государственной валютной выручки.

К 1925 г. сбыт уральского асбеста составил 5% от канадского и 30% от родезийского. Вся продажа концентрировалась в Берлинском торгпредстве через посредничество традиционных партнеров («Беккер и Гааг», «Эттернит» в течение 23 лет посредничали в сбыте уральского асбеста). Франко-бельгийская фирма «Эттернит», кроме торговли, занималась производством эттернита и имела крупнейшие в мире заводы в Бельгии, Франции и США. Стремление обеспечить себя стабильным источником сырья побудило фирму обратиться в Главконцесском с предложением об участии в предприятии Хаммера. В свою очередь, конкуренты - «Гобдэль и К» и канадские производители стремились захватить в свои руки контроль над мировой торговлей асбестом.

В начале 1926 г. фирма «Гобдэль и К» скупила весь уральский асбест через посредничество мелких агентов во всех странах Европы⁹⁶⁴, резко подняла на него цены, чтобы снизить конкурентноспособность. В 1926 г. в Главконцесском поступило предложение от бельгийской фирмы «Ван Гельст», занимавшейся перепродажей родезийского асбеста, о концессии на уральские и алтайские месторождения. В то же время представители английских обществ Дэвиз и Гринфелл предложили долгосрочный кредит «Ураласбесту» за монополию на реализацию его продукции на внешних рынках. Дэвиз готов был пойти также на чистую концессию или смешанное общество по эксплуатации месторождений. Вследствие досрочного разрыва контракта с «Аламерико» на алапаевское месторождение претендовали уже упомянутые конкурирующие компании.

Проекты создания иностранных, либо смешанных предприятий выдвигали: франко-бельгийское АО «Эттернит», германская «Беккер и Гааг», бельгийская «Ван Гельст», английская «Дженерал асбест корпорейшн». Зная о крайней нужде «Ураласбеста» в оборотных средствах, Главконцесском рекомендовал местному совнархозу отводить асбесто-промышленные концессии в малоосвоенных районах, в частности на Северном Урале. На сырьевую базу треста при рассмотрении возможностей партнерства на асбестовом рынке накладывалось своеобразное табу. Нельзя было передать зарубежным посредникам контроль над месторождением. В свою очередь каждая из европейских фирм соглашалась на кредитование треста при условии закупки у него всей экспортной продукции.

---

⁹⁶³ Там же. Л. 67 — 70.

⁹⁶⁴ Там же. Оп. 1. Д. 72, Л. 58 — 59.

Английским корпорациям подчинялись дочерние филиалы в Родезии, они контролировали сбыт значительной части канадского асбеста. Поэтому Главконцеском, во избежание дискриминации СССР, продлил контракт с германским АО «Беккер и Гааг», торговавшим уральским асбестом за предоставление долгосрочной ссуды тресту вплоть до конца 1920-х гг. права на освободившуюся алапаевскую концессию оспаривали «Эттернит» и две тесно связанные между собой фирмы Великобритании. Англичане были готовы расплачиваться за сырье горно-шахтным оборудованием, что вполне отвечало интересам республики. Но намерения компаний были очевидны – создание в противовес Канадскому Европейского асбестопромышленного синдиката с целью регулирования цен, т.е. удорожания африканского и американского сырья за счет умышленного удешевления советского.

Главконцеском признал в принципе желательным привлечение иностранного капитала к разработке асбестовых месторождений⁹⁶⁵. Однако после обсуждений с Уралоблсовнархозом было принято решение отказать претендентам и использовать сложившуюся ситуацию для развития государственного экспорта⁹⁶⁶. Уралоблсовнархоз обосновал опасение, что англичане – практически монополисты на мировом рынке, – заинтересованы не в развитии добычи уральского асбеста, а в его сокращении. В результате в 1926 г. концессионное производство А. Хаммера слилось с государственным объединением “Ураласбест”⁹⁶⁷.

Задачи привлечения иностранных капиталов сегодня во многом перекликаются с ситуацией послереволюционной эпохи. Привлечение иностранного капитала, изучение и использование практики мирового хозяйства может оказать позитивное воздействие на экономику заметного отставшего от стандартов мирового рынка индустриального Урала. В этом плане опыт 1920-х гг. обладает большой актуальностью. Нет смысла повторять пройденный путь в прошлом, необходимо извлечь из него уроки в настоящем.

Г.Н. Шапошников

Екатеринбург

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В современной российской историографии общепризнанным стал тезис об особой роли государства в развитии отечественной индустриализации. Это утверждение можно отнести и к становлению транспорт-

---

⁹⁶⁵ Там же. Оп. 3. Д. 89. Л. 82.

⁹⁶⁶ Там же. Оп. 10. Д. 68. Л. 42.

⁹⁶⁷ ГАСО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 157, 1. Л. 16.